

Д.Г. Гумилевский

История Русской церкви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Г. Гумилевский**
История Русской церкви / Д.Г. Гумилевский – М.: Книга по Требованию, 2016. –
248 с.

ISBN 978-5-518-10752-6

ISBN 978-5-518-10752-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

По несомнѣнному голосу исторіи, кіевская Русь вила евангельской проповѣди при кіевскихъ князьяхъ *Оскольдъ и Дирь*. Бл. патріархъ Фотій, столько заботившійся о лучшей судьбѣ Славянъ, былъ орудіемъ первоначальнаго просвѣщенія и кіевскихъ Руссовъ. Оскольдъ и Дирь, съ дружиною языческою на 200 вооруженныхъ судахъ, вошли въ Босфоръ, опустошили берега и острова Пропонтиды, за тѣмъ подступили къ Царюграду и заставили трепетать столицу Имперіи. Благочестивый патріархъ обратился съ молитвами къ Богу; во Влахерскомъ храмѣ совершено было всеночное пѣніе; самъ царь Михаилъ, разсѣянный въ счастіи, молился съ народомъ; блаженный Фотій вынесъ съ пѣснями изъ храма ризу Богоматери, погрузилъ её въ волны залива, и закипѣвшее бурю море разбило суда Руссовъ. Оскольдъ и Дирь, объятые страхомъ, увѣрвали въ карающаго ихъ Господа. «Руссы, — писалъ тогда святѣйшій Фотій, — преложили дечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазненную христіанскую вѣру, и принявъ епископа и учителя, ведутъ себя какъ послушныя дѣти и друзья. Они приняли епископа и христіанскіе обряды.» Императоръ Константинъ такъ описываетъ происходившее въ самомъ Кіевѣ: «Когда епископъ прибылъ въ столицу Руссовъ, государь Руссовъ собралъ совѣтъ (вѣче). Тутъ было множество народа; самъ государь предсѣдательствовалъ съ боярами и старѣйшинами, которые, по давней привычкѣ къ язычеству, болѣе другихъ были отвержены къ язычеству, стали разсуждать о вѣрѣ своей и христіанской, и пригласивъ архипастыря, спросили: чему онъ хочетъ учить ихъ? Епископъ раскрылъ Евангеліе и сталъ говорить о Спасителѣ и его чудесахъ, говорилъ и о разныхъ чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ. Руссы, слушая проповѣдника, сказали: если и мы не увидимъ чего нибудь подобнаго тому, что случилось съ тремя отроками въ печи, — мы не хотимъ вѣрить. Служитель Божій не поколебался; онъ смѣло отвѣчалъ имъ: мы ничтожны предъ Богомъ, но скажите, чего хотите вы? Они просили, чтобы брошена была въ огонь книга Евангелія, и обѣщались обратиться къ христіанскому Богу, если она останется невредимою. Тогда епископъ воззвалъ: Господи! прослави имя Твое предъ симъ народомъ, — и положилъ книгу въ огонь. Прошло нѣсколько времени, огонь истребилъ матеріалъ, а Евангеліе осталось цѣлымъ; сохранились даже ленты, которыми оно было связано: Видя это, грубые люди, пораженные чудомъ, начали кре-

ститься.» Это было въ 867 г. При Оскольдѣ и Дирѣ христіанство успѣло въ Россіи по крайней мѣрѣ столько, что и Массуди, почти современникъ, но житель Востока писалъ: «изъ Склабовъ (Славянъ) одни—христіане, другіе—язычники,» и потомъ говорилъ: «изъ всѣхъ Склабскихъ царей сильнѣйшій есть Диръ.»

§ 2. При Олегѣ, Игорѣ и Св. Ольгѣ.

Хотя несчастная смерть Оскольда и Дира, въ 882 году убитыхъ язычникомъ Олегомъ, не могла не ослабить успѣховъ христіанства въ Кіевѣ: однако Олегъ, и не намѣренно, но знакомилъ Руссовъ съ евангельскою вѣрою. Когда въ 911 году послы его были въ Царѣградѣ для заключенія мѣра, имъ, по приказанію императора, показывали: «страсти Господни, вѣнецъ и гвозди, и ламиду багряную, и мощи святыхъ, и учили ихъ греческой вѣрѣ, показывая въ ней истинную вѣру..... Посланные же Олегомъ, возвратясь къ Олегу, передали всѣ рѣчи своимъ.» Болѣе покоя и свободы имѣла вѣра Христова въ Россіи при Игорѣ. Арабамъ въ 922 году извѣстно было, что Руссы обращаются къ христіанской вѣрѣ. Когда послы татарскаго князя представлялись (946 г.) императорамъ, многіе *крестившіеся Руссы* стояли во дворцѣ съ мечами и знаменами. Въ 946 году Руссы въ договорѣ съ Греками говорили: «Если бы кто изъ русской страны вздумалъ нарушить эту любовь: то тѣ, *которые приняли крещеніе*, да примутъ казнь отъ Бога—Вседержителя..... а *некрещенные* да не имѣютъ помощи отъ Бога и отъ Перуна» (ст. 1). «Если ненайдется бѣжавшій рабъ: то клянутся *Руссы христіане* по своей вѣрѣ, не христіане по своему закону» (ст. 3). «Въ утверженіе договора, мы Руссы, *которые изъ насъ крестились*, будемъ клясться (въ Кіевѣ) *въ соборной церкви Св. Іліи* церковью и предлагающимъ честнымъ крестомъ.» Такимъ образомъ между Русскими уже были христіане въ такомъ числѣ, что о нихъ надобно было говорить въ договорѣ, и они утверждали договоръ клятвою предъ св. крестомъ. Мало того, въ Кіевѣ уже былъ *соборный храмъ*, что можетъ указывать на существованіе и другихъ храмовъ. Договоръ Руссовъ съ Греками заключенъ былъ въ слѣдствіе похода Руссовъ въ Грецію. Къ этому походу, по всей вѣроятности, относится чудо, совершившееся надъ Руссами при гробѣ св. Георгія Амастридскаго, описанное въ житіи сего святаго. «Пришли

варвары въ храмъ святаго; подумали, что тутъ лежатъ сокровища, начали откапывать ихъ. Но у откапывавшихъ отнялись руки и ноги; связанные невидимыми узами, они оставались неподвижны. Князь ихъ, видя сіе чудо, пришелъ въ трепеть и ужась и спрашивалъ у одного плѣннаго, что это значитъ? Услышавъ, что это совершилось силою Бога христіанскаго, и что Его же силою послѣ всенощнаго пѣнія возвращено пораженнымъ здоровье, князь заключилъ съ христіанами миръ.» Это чудо конечно не осталось безъ послѣдствій и въ Россіи; по крайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что испытавшіе на себѣ гнѣвъ и милость Божию, при гробѣ Св. Георгія, обратились къ Богу христіанскому.

Еще ярче возсіялъ свѣтъ евангелія въ Россіи при в. к. Ольгѣ, по смерти Игоря. Одаренная свѣтлымъ, пронизательнымъ умомъ, Ольга видѣла непорочную жизнь христіанъ и понимала, что язычество не воспитывало такихъ людей; бесѣды съ христіанскими учителями (одного изъ нихъ видимъ съ нею на пути ея въ Царьградъ) открывали ей небесную чистоту и высоту ученія Христова. И сердце ея плѣнилось евангельскою истиною. По чувству уваженія къ столицѣ христіанства, равно и для того, чтобы вѣрнѣе ознакомиться съ христіанствомъ, она сама отправилась въ Константинополь съ многочисленною свитою. Здѣсь патріархъ былъ ея наставникомъ и самъ же крестилъ её, а императоръ Константинъ былъ воспріемникомъ отъ купели. Патріархъ благословилъ благовѣрную Ольгу, нареченную въ св. крещеніи Еленою, крестомъ, который привнесла она и въ Кіевъ, и предсказалъ ей славу въ потомствѣ. Ольга поднесла патріарху, въ знакъ любви къ св. вѣрѣ, золотое блюдо съ изображеніемъ Спасителя на драгоцѣнномъ камнѣ. Это происходило въ 957 году. Съ в. княгинею были тогда же въ столицѣ христіанской *родственники и родственницы ея*, между прочими: одинъ *племянникъ*, до 10 *знатнѣйшихъ жень*, 18 *почетнѣйшихъ служительницъ*, до 20 бояръ и вѣсколько чиновниковъ. Совсе невѣроятно, чтобы никто изъ нихъ не послѣдовалъ примѣру в. княгини въ самомъ Царьградѣ; скорѣе можно положить, что немногіе не послѣдовали, если только уже не были крещены. По другому памятнику извѣстно, что впоследствии (974 г.) Святославъ убилъ брата (двоюроднаго) Глѣба за его приверженность къ христіанству. Въ Кіевѣ примѣръ мудрой матери народа, по всей вѣроятности, также не остался безъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что она сама старалась возбудить въ другихъ любовь къ

св. вѣрѣ. Много и съ материнскою нѣжностію убѣждала она сына своего Святослава принять ту вѣру, которой достоинство живо ощущала душа ея. Гордый воинъ дорожилъ одною воинскою славою. «Онъ, говоритъ Несторъ, не возбранялъ тѣмъ, которые хотѣли креститься: но въ кругу подобныхъ себѣ смѣялся надъ такими, оставаясь въ числѣ тѣхъ, для которыхъ вѣра Христова кажется юродствомъ.» По крайней мѣрѣ другіе не остались столько глухи къ голосу любви и истины небесной. Несторъ въ самомъ отзывѣ о Святославѣ даетъ видѣть, что были тогда такіе, которые изъявляли желаніе креститься. Нѣкоторые даже изъ воиновъ искренно полюбили вѣру христіанскую: вѣрный свидѣтель тому—мученическая смерть Варяга и сына его при Владимірѣ язычникѣ. Степенная книга говоритъ: «многіе, дивясь о глаголахъ ея (Ольги), ихъ же николиже прежде слышаша, любезно принимали изъ устъ ея слово Божіе—и крестились.» Извѣстно и то, что папа, спустя 15 лѣтъ послѣ крещенія Ольги въ 972 году, считалъ уже южную Россію убѣжищемъ православной вѣры. Ольга, по вѣрному выраженію лѣтописца, была для страны нашей «звѣздою утреннею, предваряющею солнце, зарею утра, прелѣщающею свѣтъ дневной; она сіяла, какъ полная луна въ ночи, блистала между невѣрными, какъ жемчужина.» Это солнце, которому предтекла Ольга, былъ в. князь Владиміръ.

§ 3. При Владимірѣ: а) обращеніе его и бояръ.

Чѣмъ былъ для Римской имперіи Константинъ Великій, тѣмъ же для Россіи Господь благословилъ быть Владиміру, внуку благовѣрной Ольги.

Вѣра Христова не скоро покорила себѣ сердце внука Ольгина. Христіанство, по смерти Ольги (969 году), при воинственномъ Святославѣ и во время кровавыхъ междоусобій дѣтей Святослава, конечно не распространялось въ Россіи, если только не сокращалось: однако христіане оставались въ Кіевѣ. Владиміръ, въ первые годы правленія, не только занятъ былъ кровавыми войнами, но жилъ какъ самый нечистый язычникъ. Ужасное братоубійство, побѣды, купленные кровію чужихъ и своихъ, сластолюбіе грубое не могли не тяготить совѣсти даже язычника. Владиміръ думалъ облегчить душу тѣмъ, что ставилъ новые кумиры на берегахъ Днѣпра и Волхова, украшалъ ихъ серебромъ и золотомъ, закалалъ

тучныя жертвы предъ ними ; мало того , пролилъ даже кровь двухъ христіанъ на жертвенникѣ идольскомъ. Но все это, какъ чувствовалъ онъ, не доставляло покоя душѣ,—душа искала свѣта и мира. А память говорила еще о Великой Ольгѣ, о ея Богѣ, о Богѣ греческихъ христіанъ. Владиміръ чувствовалъ тревогу, движенія и сомнѣнія въ душѣ. При дворѣ прославившагося князя не могло быть недостатка въ людяхъ съ готовностію предлагать душевный покой князю. Болгарскіе мусульмане хвалили свою вѣру, и описаніе Магометова рая нравилось сластолюбивому князю: по обрѣзанію казалось ему ненавистнымъ обрядомъ, а запрещеніе пить вино—несовмѣстнымъ съ обычаями Руси. Усердные слуги папы говорили о величій невидимаго Бога и ничтожествѣ идоловъ; славный князь, зная политику папы, отвѣчалъ; «отцы наши не принимали вѣры отъ папы.» Выслушавъ Іудеевъ казарскихъ, спросилъ: гдѣ ваше отечество?— Въ Іерусалимѣ; но Богъ во гнѣвѣ расточилъ насъ по чужимъ землямъ, говорили Евреи.»—И вы, называемые Богомъ, смѣете желать, чтобы и другіе лишились своего отечества?» отвѣчалъ мудрый князь. Наконецъ выслушанъ былъ философъ—инокъ греческій. Тотъ, показавъ несправедливость другихъ вѣръ, представилъ содержаніе Библии, исторію православія, и въ заключеніе показалъ картину страшнаго суда Божія съ участію праведныхъ и грѣшныхъ. «Добро симъ одесную, и горе ошуюю грѣшнымъ,» съ глубокимъ вздохомъ сказалъ князь. Крестись, и будешь въ раю съ первыми,—говорилъ смиренный инокъ.

Последній проповѣдникъ поразилъ Владиміра. Отпустивъ его съ богатыми дарами, великій князь въ 987 году собралъ совѣтъ бояръ, такъ какъ сознавалъ, что переѣна религій княземъ во всякомъ случаѣ должна влечь за собою переѣны въ цѣломъ его государствѣ. Владиміръ объявилъ боярамъ предложенія пословъ-проповѣдниковъ. Каждый хвалитъ свою вѣру, — говорили бояре у тебя много людей умныхъ, пошли испытать, чья вѣра лучше. Владиміръ отправилъ десять мужей добрыхъ и смышленныхъ. Они были у Болгаровъ, въ землѣ пѣмецкой, наконецъ прибыли въ Грецію. Императоры Василій и Константинъ, узнавъ причину прибытія ихъ, объявили о томъ патріарху, и патріархъ въ присутствіи пословъ совершалъ торжественную службу. Великолѣпіе храма сефійскаго, присутствіе всего духовенства, ибнѣ стройное, величественность и простота всей службы привели пословъ въ восторгъ. Убѣжденные въ достоинствѣ, въ превосходствѣ вѣры

греческой, они возвратились въ отечество уже христіанами въ душѣ, и не одобривъ предъ княземъ другихъ исповѣданій, сказали о греческомъ: «въ храмѣ Грековъ мы не знали, стояли ли мы на землѣ, или на небѣ: истинно тамъ съ человѣками Богъ. И какъ всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, не хочетъ горькаго, такъ и мы, узнавъ вѣру Грековъ, не желаемъ болѣе служить богамъ своимъ.» Боляре и старцы сказали Владиміру, что еслибы вѣра Грековъ была не лучшая, не приняла бы ея бабка вел. князя Ольга, мудрѣйшая изъ людей. «Такъ мы крестимся: но гдѣ?» сказалъ Владиміръ.

Воинственный князь, только что рѣшившійся принять новую вѣру, не могъ еще столько возвыситься въ душѣ, чтобы отрѣшиться отъ всего земнаго: смиренно просить наставленія въ новой вѣрѣ у Грековъ казалось ему неприличнымъ для знаменитаго побѣдами князя и народа; съ другой стороны, и тогдашній Дворъ византійскій, къ сожалѣнію, былъ пышенъ несоразмѣрно съ своею слабостію и слабостію народа; презиралъ варваровъ, когда являлись къ нему безъ оружія, хотя трепеталъ ихъ, когда видѣлъ ихъ мечъ: даже бл. Ольга испытала это на себѣ. Владиміръ, спустя годъ послѣ совѣта, рѣшился завоевать вѣру оружіемъ. Онъ пошелъ войною въ Тавриду и осадилъ греческій Херсонъ (въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя). Томимые жаждою жигели сдались; чтобы болѣе смирить Грековъ, завоеватель потребовалъ отъ Византіи руку царевны, грозя, въ случаѣ отказа, взять столицу. Императоры Василій и Константинъ отвѣчали: пусть приметъ вѣру, и рука царевны будетъ отдана ему.—«Я давно испыталъ и полюбилъ законъ греческій,» отвѣчалъ Владиміръ. И однакожъ Владиміръ на дѣлѣ не столько былъ готовъ къ великой перемѣнѣ, сколько казалось ему самому; еще нужно было для него особенное испытательное посѣщеніе Божіе: прежде нежели Анна прибыла въ Херсонъ съ духовенствомъ и священными вещами, съ княземъ язычникомъ случилось нѣчто подобное тому, что испыталъ на себѣ Савлъ, гонитель Христовъ,—онъ пораженъ былъ тяжкою главною болѣзнію, совѣми ослѣпъ. Прибывшая царевна предложила ему не медлить крещеніемъ, какъ средствомъ къ здравію. Онъ согласился. Когда епископъ курсунскій возложилъ руку на выходящаго изъ купели князя: Владиміръ, въ крещеніи Василій, прозрѣлъ и душевно и тѣлесно, и въ восторгѣ воскликнулъ: «теперь я увидалъ Бога истиннаго.» Нѣкоторые изъ дружины Владиміра,

пораженные чудеснымъ событіемъ, крестились тогда же въ слѣдъ за княземъ. Владиміръ возвратился въ Кіевъ новымъ.

§ 4. б) Крещеніе народа въ Кіевѣ, въ близкихъ и дальнихъ мѣстахъ.

Владиміръ искалъ лучшей вѣры не для себя одного, онъ искалъ ее, какъ повелитель народа, для народа своего. Дознавъ же опытомъ превосходство христіанской вѣры, онъ еще болѣе утвердился въ намѣреніи ввести христіанство между подданными. Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Кіевъ было крещеніе 12 сыновей своихъ: это было дѣломъ отца-князя. Въ слѣдъ за тѣмъ приступилъ онъ къ истребленію идоловъ. Иные были сожжены, другіе изрублены; Перуна, главнаго бога, велѣлъ Владиміръ привязать къ хвосту конскому, совлечь съ горы и бросить въ Днѣпръ; суевѣрный народъ проливалъ слезы изъ сожалѣнія къ своей старинѣ, долго слѣдовалъ за уплывавшимъ болваномъ, котораго отталкивали отъ берега войны, но по добротѣ своей не смѣлъ роптать. Между тѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы на другой же день всѣ жители, безъ различія возраста и состоянія, собирались на берегъ днѣпровскій для принятія крещенія подѣ опасеніемъ немилости князя за ослушаніе. Кіевляне давно уже знали греческую вѣру, знали о совѣщаніяхъ и рѣшимости князя относительно сей вѣры. «Еслибы новая вѣра не была лучшею, князь и бояре не приняли бы ее;»—такъ разсуждалъ народъ, и спѣшилъ исполнить волю уважаемаго князя. Необозримыя толпы людей, старцы и юноши, матери съ дѣтми грудными, явились на берегу Днѣпра. Явился и Владиміръ съ соборомъ священниковъ; народъ вступилъ въ Днѣпръ, одни по шею, другіе по перси, взрослые держали въ рукахъ младенцевъ. Священники съ берега читали молитвы. Владиміръ, объятый восторгомъ, молился Господу, и поручилъ Ему себя и народъ. «Въ сей день,—справедливо говоритъ лѣтописецъ,—земля и небо ликовали.»

Св. Владиміръ не ограничилъ св. дѣла Кіевомъ. М. Иларіонъ говорилъ, что онъ желалъ сообщить всѣмъ подданнымъ лучшую вѣру, и потомъ прибавляетъ: *крестъ освятить города*. Лѣтописецъ пишетъ: «и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ.» Ни

м. Иларіонъ, ни Несторъ не опредѣляютъ, однако, въ какихъ именно городахъ, въ какихъ областяхъ насаждалъ вѣру равноапостольный Владиміръ? По ходу событій и по географическому положенію городовъ можемъ видѣть, что слова преподобныхъ прежде всего должно отнести къ городамъ и мѣстамъ, окружавшимъ Кіевъ. Таковы были Переяславль, Черниговъ, Бѣлгородъ, Владиміръ Воынскій. Такъ показываютъ и нѣкоторыя лѣтописи. Весьма важно въ семъ отношеніи свидѣтельство монаха Адельмара, современнаго Владиміру. Онъ говоритъ, что вскорѣ по обращеніи Славянорусовъ къ вѣрѣ христіанской, пришелъ греческій епископъ во внутреннюю область Россіи, обратилъ и научилъ греческимъ обыкновеніямъ.

Поздняя лѣтопись распространяетъ дѣятельность духовенства Владимірова и на отдаленные русскіе города. Она говоритъ, что Владиміръ, посылая сыновей своихъ въ удѣлы, послалъ съ ними священниковъ, и приказалъ сыновьямъ, чтобы каждый въ своей области заботился о построеніи христіанскихъ храмовъ и о просвѣщеніи язычниковъ вѣрою. Самыя событія послѣдующаго времени оправдываютъ это извѣстіе. Но онѣ же показываютъ, что воля Равноапостольнаго не вездѣ могла быть выполнена съ равнымъ успѣхомъ. Несомнѣнно извѣстно, что Новгородъ, столько отдаленный отъ Кіева, принялъ христіанство при св. Владимірѣ. Четыре года спустя послѣ крещенія Владимірова, тамъ былъ епископъ Іоакимъ, одинъ изъ корсунскихъ священниковъ. «И прииде епископъ Іоакимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повелѣ повлещи въ Волховъ, и повязавши ужи (веревками) волочаху по калу бьюще жезліемъ, и вринуша въ Волховъ. И заповѣда (епископъ) никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Пиблянникъ (житель мѣстечка Пибла), рано на рѣку, и Перунъ приплы къ берегу, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунице, досыти еси пилъ и ялъ, а нынѣ уже плови прочь.» Впрочемъ въ Новгородѣ не только не безъ скорби, какъ въ Кіевѣ, но и не безъ сопротивленія разстались съ старымъ. Не безъ основанія же въ народѣ присловье: «Путята крести мечемъ, а Добрыня — огнемъ.» Это указываетъ на то, что Новгородцы, какъ и въ другихъ случаяхъ, отказались было повиноваться волѣ вел. князя о крещеніи, и ихъ надобно было усмирять какъ нарушителей порядка. Іоакимова лѣтопись прямо говоритъ, что Новгородцы открыто возстали на проповѣдниковъ вѣры, сожгли

домъ Добрыни, умертвили жену его, и что для усмиренія мятежа надлежало употребить мечъ. По ея извѣстію, Новгородцы, по усмиреніи мятежа, крестились; но иные, подъ разными предлогами, старались уклониться отъ крещенія. По Никоновой лѣтописи и по Степенной книгѣ, многіе крестились и въ новгородской области, по *градомъ* и *селою* воздвигнуты были храмы.

§ 5. Распространеніе христіанства въ XI и XII в.

Несторъ говоритъ о времени Ярослава Великаго: «нача вѣра христіанская плодится и разширяется.» Это означало, что, при Ярославі, чистая, святая вѣра глубже стала проникать въ сердца недавнихъ язычниковъ, и область ея разширялась по обширной Россіи. Но сердце человѣческое не скоро разстается съ своими привычками и страстями. Нужны были подвиги, иногда даже кровавые, для того, чтобы осталась полная побѣда за вѣрою святою, и особенно тамъ, гдѣ мало еще трудились для св. вѣры.

Къ концу XI вѣка было на югѣ Россіи 7 епископій (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Юрьевѣ, Переяславѣ, Владимірѣ волынскомъ и Тмуторокани), и 4 на сѣверозападѣ (въ Туровѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Ростовѣ). Такое положеніе епархій само собою показываетъ, гдѣ къ концу XI вѣка много успѣло христіанство, и гдѣ много еще надлежало бороться съ язычествомъ. На югѣ Россіи уже и по деревнямъ стояли тогда храмы христіанскіе. Но востокъ Россіи еще мало знакомъ былъ съ христіанствомъ, а сѣверовосточные лѣса и болота посвящались еще язычеству. По мѣстамъ глухимъ язычество жило еще между Русскими въ началѣ XII вѣка. Ревность искреннихъ ревнителей вѣры преслѣдовала обличеніями остававшееся расположеніе къ язычеству. Всѣхъ же болѣе смиренныя иноки принимали на себя подвигъ просвѣщать свѣтомъ истины грубыхъ суевѣровъ дикихъ мѣсть, хотя исторія немного сохранила для насъ объ ихъ трудахъ.

Въ *Ростовѣ* христіанство возрасло не иначе какъ орошенное кровію искренняго проповѣдника своего. *Теодоръ* и *Иларіонъ*, первые епископы Ростова, принуждены были бѣжать изъ Ростова отъ ярости язычниковъ, и первый имѣлъ иѣкоторый успѣхъ только около Суздаля. Св. *Леонтій*, одинъ изъ учениковъ пр. Антонія кіевопечерскаго, прибывъ въ Ростовъ, нашелъ сильное сопротивленіе въ закоренѣлыхъ язычникахъ. Они выгнали его

изъ города, и ему надобно было вооружиться апостольскимъ терпѣніемъ для вѣры; оставшись за городомъ, онъ ласками привлекалъ къ себѣ сперва дѣтей и сталъ учить ихъ; старые язычники опять взволновались, окружили Леонтія, дыша яростію: но кроткое слово вѣры на сей разъ столько имѣло успѣха, что многіе крестились. Однако и послѣ того язычники не разъ вооружались на святителя, и наконецъ умертвили его. Ростовская лѣтопись такъ говоритъ о плодахъ подвиговъ св. Леонтія: «Леонтіи убо святой просвѣти крещеніемъ градъ Ростовъ.» Св. Симонъ, говоря, что многіе изъ Печерскаго монастыря взошли на кафедры епископскія, пишетъ: «первый ростовскій Леонтіи священномученикъ, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, убиша; и се третій гражданинъ небесный бысть рускаго міра съ онѣма Варягома (убитыми при Владимірѣ), вѣнчався отъ Христа.» Мученическая кончина св. Леонтія и вмѣстѣ съ тѣмъ насажденіе христіанства въ Ростовѣ послѣдовали около 1070 г. Преемнику Леонтія, св. *Исаи* надлежало еще много трудиться, чтобы распространить христіанство въ ростовской области. И сей подвижникъ печерскій путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ ея съ проповѣдію о Христѣ; плодомъ трудовъ его было обращеніе многихъ идолопоклонниковъ. Подвигъ его окончился въ 1089 году. Извѣстенъ и еще ростовскій проповѣдникъ вѣры, пр. *Аврамій*. Житіе его говоритъ, что при немъ въ чудскомъ концѣ Ростова стоялъ идолъ Велеса и что Аврамій сокрушилъ идола тростію, данною въ видѣніи Іоанномъ Богословомъ. Трудно опредѣлить время, когда это было: но санъ архимандрита, которымъ облеченъ былъ Аврамій, и князь Владиміра суздальскаго, съ которымъ имѣлъ онъ сношеніе, показываютъ, что это было не прежде Владиміра Мономаха (1113—1125 г.), и слѣдовательно при Мономахѣ еще такъ крѣпко стояли за Велеса, что для сокрушенія его нужна была чудесная помощь Апостола Іоанна.

Пр. Несторъ, описавъ языческія обыкновенія древнихъ Славянъ русскихъ, прибавляетъ: «се же творять Вятичи нынѣ», то есть въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Курскъ былъ христіанскимъ городомъ еще въ юные годы пр. Феодосія. Но близкія къ Курску поселенія Вятичей, — *Щенскъ*, *Брянскъ*, *Козельскъ*, оставались языческими, пока не явился къ Вятичамъ пр. *Кушка*. Одушевляемый св. ревностію къ вѣрѣ, онъ съ ученикомъ своимъ